

Возвращение на Арвиндж

Автор:

Александр Гергель

Возвращение на Арвиндж

Александр Николаевич Гергель

Горячие точки. Документальная проза

Книга участника боев в Афганистане Александра Гергеля продолжает серию, посвященную 25-летию вывода наших войск из этой страны. Сюжеты своих новелл автор, прослуживший два года в северо-восточной провинции Бадахшан, почерпнул из повседневной жизни своего подразделения. Жизнь, где бы она ни проходила, полна самых различных происшествий и эмоций: здесь слезы сменяются смехом, суровые боевые сцены прерываются лирическими отступлениями, и никакая война не запретит людям любить... Прекрасный слог, динамичные сцены, юмор и ирония – все это присутствует в предлагаемом сборнике, делая чтение легким и в то же время сохраняя у читателя чувство сопричастности происходящему и осознание того, что истории не выдуманы.

Александр Гергель

Возвращение на Арвиндж

© Гергель А., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Об авторе

Родился 31 июля 1961 года в Москве, где и живу по сей день. После школы поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Однако, больше интересовался литературой, искусством, иностранными языками. Доучился до четвертого курса. В армию призван весной 1983 года. Начинал службу в «сержантской учебке» в Московском военном округе. По распределению оказался в 860 Отдельном мотострелковом полку, в Бадахшанской провинции, в долине Бахарака, где дислоцировался в старой крепости неполный батальон полка (1МСБ). Прослужил в батальоне с октября 1983-го по май 1985-го. Был наводчиком-оператором боевой машины пехоты. Закончил службу в звании сержанта, награжден медалью «За Отвагу». После армии работал инженером-конструктором. В 1990-х годах нашел себя в сфере страхования, чем занимаюсь и поныне. Из увлечений, по-прежнему, главное – литература.

Go west![1 - Go west! – На запад! (англ.).]

– Пошли, – сказал Леха.

Витька поднялся с койки и, не говоря ни слова, направился за ним к выходу из кубрика. Вышли на улицу. Бодро, по-деловому, зашагали вдоль стены по направлению к помещениям снабженцев.

Худощавый паренек, водитель взвода снабжения Джума, уже ждал, прислонившись к стволу алычи. Джума являл собой классический вид дембеля. До белизны отстиранная и аккуратно отглаженная хэбэшка с чуть коротковатой курткой ушита была до невероятности. Кожаный ремень распушен так, что нижний срез бляхи точно совпадал с нижним краем куртки, а сама бляха выгнута ни больше, ни меньше, чем положено по неписанным канонам

дембельского катехизиса. Этот идеально исполненный костюм дополняла снежно-белая подшивка, выступающая из-под воротника на пару миллиметров больше, чем предписано в армии, и лихо заломленная в виде шляпы форменная панама.

Леха с Витькой выглядели попроще, на них была обычная зимняя «стекляшка», положенная весенним дембелям до замены. Витька считал особым шармом ходить в этой форме, резко выделявшей их призыв из личного состава роты. Леха придерживался такого же мнения, так что они не стали доставать себе летнее хэбэ, донашивая в эти последние в армии недели полученную осенью одежду. К чему одалживаться у каптерщика или отбирать у молодых положенные им летние хэбэшки и ботинки? К чему напрягаться и делать лишние движения для такой ерунды, когда до дома осталось совсем немного!

Подойдя к Джуме, друзья обменялись с ним рукопожатием. Не говоря ни слова, тот достал из кармана ключи, отпер замок и приглашающе распахнул дверь малого склада. Шагнув внутрь, привычно приподняли мешок из крафт-бумаги, раскатали скрученную горловину, зацепили по горсти сухофруктов, сунули их в карманы и вышли из склада. Пока Джума вешал и запирал замок, Леха с Виктором уже подходили к проему в крепостной стене, через который пролегал путь в машинный парк. Миновали арку, спустились по ступенькам в парк и пошли вдоль ряда хозвзводовских машин, стоящих на приколе вдоль стены Крепости.

– На чем поедем? – спросил Леха. – На ЗИЛке или на «таблетке»?

– На ЗИЛке! – ответил Витька и торопливо добавил: – Чур, сегодня я поведу.

Джума нагнал их уже возле своей машины.

ЗИЛ-131, на котором рядовой Джума был приписан водителем, не двигался с места уже лет пять, с тех пор как полк, заходя из Союза в Бадахшан через горы, оставил в долине Бахарака один батальон. Такими же «гробами» стояло большинство машин взвода снабжения – водовозок, наливников и ЗИЛов-131, а кроме них и зеленый УАЗик с красным крестом – похожий на хлебную буханку санитарный фургон, почему-то называемый в батальоне «таблеткой». Чтобы не просели амортизаторы, под оси автомобилей подвели метровые колоды из толстых бревен. На лобовых стеклах были прилажены таблички «Вода слита».

Решив, что таким образом сохранность техники обеспечена, машины оставили в покое и пользовались с тех пор только одним ЗИЛ-131, чтобы перебрасывать боеприпасы и продукты от вертолета на склады, да еще до невозможности гражданским бело-голубым самосвалом ЗИЛ-130 в качестве мусоровозки. Самосвал всегда стоял возле пролома в стене, и наряд по кухне забрасывал в его кузов пустые консервные банки из-под тушенки и сгущенки. Когда кузов наполнялся, кто-нибудь из снабженцев отгонял машину на километр от Крепости в сторону Сарипульского моста и вываливал мусор неподалеку от обочины. Огромная куча консервных банок, отполированных ветрами и песком, грудой золота сверкала у дороги. Первая рота предпочитала выдвигаться в тот район для учебной стрельбы, чтобы использовать банки как мишени. Конечно, трудно разглядеть банку со ста пятидесяти – двухсот метров, но яркое афганское солнце бликовало на золотистой жести, так что зайчики можно было засечь и за километр. Опытный стрелок с первого выстрела заставлял банку подлетать в небо, и молодые бойцы радовались, глядя, как она, вращаясь, описывает красивую дугу, словно взбесившаяся веселая звездочка. Это было хорошим стимулом для молодых научиться метко стрелять.

Потрепанный переходом через четырехтысячные перевалы ЗИЛ-131 Джумы с беспомощно висящими в воздухе колесами был излюбленным местом их вечернего обряда. Витька с ходу впрыгнул на подножку, открыл водительскую дверь и вальяжно плюхнулся на сиденье. Леха с Джумой полезли в кабину с другой стороны. Пока Джума ногтями кромсал небольшую пластинку чарса, Леха достал из кармана пачку «Донских», скрутил фильтр из оторванной от пачки полоски бумаги, выдул на ладонь табак из сигареты и приладил фильтр в бумажную сигаретную гильзу. Джума аккуратно пересыпал на Лехину ладонь накропаленный чарс. Леха быстрым движением убрал лишний табак, перемешал остатки с чарсом и принялся ловко мастырить сигарету. Витька краем глаза наблюдал за сноровистыми движениями друзей, удобно откинувшись на спинку водительского сиденья. Такое священнодействие повторялось изо дня в день в течение уже двух месяцев и давно превратилось в ритуал, согласно которому на этапе подготовки нужно было все делать молча, чтобы оставалось больше слов для разговора после второй затяжки. Остроты и каламбуры в этот момент не котиrowались.

Аккуратно, чтобы не высыпалось содержимое, Леха закрутил жгутиком кончик сигареты и протянул ее Витьке.

– Взрывай, – за внешне безразличным тоном скрывалось нетерпение.

Джума чиркнул спичкой и привычно пряча огонек, поднес сложенные ладони к Витькиному лицу. Тот быстро прикурил, сделал первую затяжку и короткими вдохами погнал в легкие густой ароматный дым, на несколько секунд задержал дыхание, медленно выпустил его, еще раз коротко затянулся и передал сигарету Джуме. Леха, нахмутив брови, терпеливо ждал своей очереди. Глядя, как с выходящими струйками дыма напряженное лицо Джумы разглаживается и расплывается в счастливой улыбке, Витька почувствовал, что первые тяги зацепили и его. Возникшее около висков легкое давление быстро нарастало, сжало лоб крепким обручем и резко надавило на веки, будто забрало рыцарского шлема упало на глаза, и они сами собой на секунду закрылись. А когда открылись вновь, мир вокруг был совсем другим. Как будто в далеком детстве мама аккуратно сдвинула полупрозрачную мокрую бумажку с переводной картинкой – и вместо блеклого, едва различимого сквозь защитную пленку рисунка маленький Витька увидел на покоробленной альбомной страничке кусочек фантастически яркого мира с четко очерченными линиями и удивительными искрящимися красками. Каждый листок на пирамидальных тополях, высившихся напротив лобового стекла кабины, приобрел объем, и игра теней превратила знакомые до мельчайших подробностей кроны в удивительную зеленую страну, полную загадочных сказочных существ. Горные склоны, проглядывающие между деревьями, заиграли сочными оттенками коричневого и фиолетового. Но самым прекрасным на этой картине выглядело закатное солнце. Яркий красный шар катился по прозрачному мягко-голубому небу, приближаясь к западному хребту, и чем ниже, тем больше наливался малиновым. Казалось, он подрагивал и пульсировал от собственного жара.

Сделав свои две затяжки, Леха передал сигарету Витьке, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Пыхнув свою долю и передав сигарету Джуме, Витька почувствовал, что время пришло и можно отправляться в путь. Он повернул воображаемые ключи в замке зажигания, завжикал, изображая звук вертящегося стартера, и перешел на ровный гул двигателя на холостом ходу.

– Погнали! – радостно воскликнул Леха.

Джума улыбнулся и кивнул. Витька выжал сцепление, уверенно воткнул первую передачу и завертел рулем, выводя машину на дорогу. Все трое подергивались на сиденьях, мотались из стороны в сторону, изображая ухабистую проселочную дорогу, ведущую к шоссе.

– Куда? – спросил Витька, поддав газу, чтобы грузовик смог одолеть крутую насыпь обочины, и выкручивая руль, вырулил на асфальт.

– Давай на запад. Домой! – сказал Леха.

– Go west! На запад! – подтвердил Витька, вдавливая акселератор.

Теперь уже все трое дружно гудели и жужжали, помогая мотору мчать грузовик по ровной асфальтовой дороге, лишь изредка прерываясь, чтобы сделать очередную затяжку. Километры бежали под днище машины, дорога наматывалась на колеса, красное солнце на западе манило за собой. Солдаты спешили домой. Витька прищурил глаза и смотрел только на землю, чтобы не видеть очертания гор, заменяющие линию горизонта. Несколько километров, отделявшие их от ближайших отрогов, превратились в бескрайнюю русскую равнину. Солнце, бывшее теперь прямо в глаза, заставило тополя стать родными березками, а зеленеющие поля молодой пшеницы – сочным зеленым лугом. Мешали только запахи. Ну, не пахнет в родных местах разогретыми камнями, перегретой пылью и невыносимой кишлачной смесью из запахов дыма, бараньего навоза и старого иссушенного дерева построек.

– Скоро будем дома, – проговорил Леха.

– Ага, немного осталось, скоро уже. Домой, Джума! Домой едем! – вдруг сорвался на восторженный крик Витька.

– А ко мне, в Фергану, заедем? – вдруг спросил Джума. – Витя, надо ехать ко мне. Будем барана резать, плов готовить, фрукты кушать. Отдыхать будем один неделя. Мама будет рад. Едем в Фергану? Так, Алеша? Едем?

– Эй, погоди, Джума. Не поедем мы сейчас в твою Фергану. По мне, что Бадахшан, что Фергана – фигня одна! Можно отсюда и не уезжать. А нам домой нужно, в Россию! Сыты по горло этим Востоком! Я на плов и баранину уже смотреть не могу. Все осточертело! Я домой хочу. И Витька тоже. Ты дай нам дорваться до наших лесов и речек! Чтоб кругом равнина, и ни одной горки на тысячу километров! Я, может, никогда в жизни не захочу снова в горы попасть, до того они мне за два года надоели. Это ты привыкший, тебе что здесь, что дома, и разницы никакой нет, будто никуда и не уезжал. А нам, знаешь... Нет, извини, братишка. Может, через год соберемся в отпуск, заглянем к тебе. Но

лучше ты до нас двигай. Вот уж отдохнем!

У Витьки округлились глаза. Всегда немногословный Леха разразился необычной тирадой. Сначала Витька не въехал, с чего это друг так разошелся, но потом понял, что их уже изрядно прибило. Он даже не очень врубился, о чем говорил Леха. Да и сам Леха, наверное, не смог бы развить дальше свою мысль, просто уже забыл, к чему и о чем он говорил минуту назад. Зачаровывал сам звук голоса и слова, слепляющиеся в удивительные фразы с темным, почти неясным смыслом. Фразы ласкали слух, давали пищу мозгу, который сразу начинал рисовать картинки, да так, что, зацепившись за одно слово, Витка просматривал целый фильм. Пока Леха говорил, Витька успел увидеть Москву, побродить по ее улицам, встретиться с родными и друзьями. Успел побывать на даче, походить по лесам, искупаться в озере. Осенью, отгуляв положенный после службы отпуск, устроился на работу, а через год затосковал и собрался в гости к Джуме. И нельзя было сказать, что все это показали ему ретроспективно, отдельными кадрами. Нет, он реально прожил этот год, со всей полнотой чувств, эмоциями, ощущениями радости и печали. Ему вдруг нестерпимо захотелось рассказать друзьям что-нибудь интересное, чтобы они тоже смогли посмотреть «кино». Он попытался рассказать об увиденном: о Москве, о прохладном августовском вечере, о лесном озерке неподалеку от дачи. Леха и Джума замороженно слушали. Витька увлекся собственным рассказом, заново переживая события, но вскоре понял, что друзья слышат, но не понимают его. Лица их светились интересом и глупой радостью, но глаза были направлены внутрь, никакие Витькины слова в них не отражались. Он сделал над собой усилие, пытаясь придать речи больше связности и логики, чтобы донести смысл, который в этот момент казался ему чрезвычайно важным. Это усилие напрочь сгубило его. Отвлечшись на секунду, он потерял нить и не мог вспомнить, о чем только что говорил. Попытался поймать последнюю мысль, но не преуспел в этом и понес уже сплошную ахинею, сам понимая, что ребята расстроятся, не услышав окончания истории. Однако ребята, оказалось, ничего не заметили, и Витька погнал дальше, перескакивая с пятого на десятое, пока не понял, что язык плохо его слушается и из речи исчезают приставки, суффиксы, окончания и даже целые слова. Он попытался говорить медленнее и четче, но заметил, что его уже не слушают, хотя и не прерывают. Удивительно, но теперь говорили все трое. Каждый рассказывал что-то свое, но это не мешало и не раздражало. Хотелось слушать чужие голоса и рассказывать самому. А потом вдруг стало очень смешно. Оказалось, что Джума лепит какую-то уморительную чушь, радостно хихикает, подмигивая по очереди то правым, то левым глазом. Леха, вздрагивая от смеха на сиденье, тоже ведет замысловатую историю без начала и конца. Этого Витька вынести уже не смог. Он остановил машину, затянул ручной тормоз

и, упав головой на руль, зашелся в истерическом смехе. Грузовик трясся.

Веселье кончилось внезапно. Витька глянул на Лешку, в корчах сползавшего по сиденью, и ему показалось, что друг умирает. Без всякого перехода мысли ринулись в другую сторону. Он уже не мог ничего с собой поделывать и унесся в прошлое, на два месяца назад.

Они с Лехой курили чарс у внешнего дувала, прикрытые от любопытных глаз бээмпэшками. В самый разгар веселья Витька услышал странный щелчок по броне и долгий фырчащий звук рикошета. Несколько секунд спустя от гор донесся звук выстрела. Еще не сообразив, что случилось, Витька прыгнул к дувалу, на ходу сбив Леху и увлекая его за собой. Ничего не понимая, тот вопросительно глянул на друга, но ответ пришел в виде следующей пули, выбившей фонтан пыли рядом с местом, на котором они только что стояли. Затарившись у основания каменного забора и сразу став серьезными, друзья соображали, как выбраться из машинного парка под защиту крепостной стены. Прежде всего, следовало перебраться от дувала к бээмпэшкам, но снайпер на горе не унимался и пресекал любую попытку проскочить три метра открытого пространства, отделявшего их от ближайшей машины. Обломанный кайф превратился в страшные мучения, шуги – знакомое каждому обкуренному солдату состояние безотчетного дикого страха. Зашуганный человек напрочь теряет волю и, как ни старайся, не может преодолеть ужас, наползающий на него со всех сторон от мнимых и реальных опасностей. Не могло быть и речи, чтобы быстрым рывком, на который снайпер наверняка не успеет среагировать, перебраться за броню. К тому же было совершенно ясно, что и соверши они такой рывок, следующие тридцать метров, отделявшие машины от высокой крепостной стены им не одолеть. Через несколько минут Витька начал приходить в себя и ему показалось заманчивым пробраться к своей БМП, заскочить в башню и попробовать через оптику прицела отыскать на склоне горы стрелка, а потом припечатать его несколькими снарядами. Он уже собрался было ползти на четвереньках вдоль дувала к своей БМП-112, но Леха, сильно сжав его плечо, остановил: «Как заводить будешь?»

Об этом Витька как-то не подумал. На выключенной машине не работали ни электроприводы поворотных устройств башни, ни прицельная сетка панорамы, ни спусковые кнопки пушки и пулемета. А бежать за механиком-водителем машины нужно было опять же в Крепость. Да и не будет духовский снайпер их дожидаться. Оставалось только сидеть и ждать, когда прекратится обстрел. Долго он продолжаться не может. Если снайпер слишком увлечется своей игрой,

часовые на постах его заметят, сообщат дежурному, а тот доложит командиру батальона. Комбат не упустит возможности прищучить хоть одного бородатого, и через пару минут гаубичники будут стоять у своих орудий. Если к тому времени дух не скроется за горой, шансов уйти у него останется немного. Гаубичники завесят несколько ЗШ, и дождь осколков польет склоны, не оставляя ничего живого на многих сотнях квадратных метров. Снаряд взрывается довольно высоко над поверхностью, зонтом покрывая огромные площади, и усеивает все вокруг иголками – маленькими металлическими стрелками, от которых попавший под обстрел становится похожим на ежа, вывернутого наизнанку, иголками внутрь. Духи о таком развитии событий знали и никогда надолго не задерживались на позициях.

И в самом деле, обстрел вскоре прекратился. На всякий случай, обойдя машинный парк под прикрытием дувала, ребята скрылись под деревьями и вернулись в Крепость через главные ворота. Но Витька еще долго представлял себе, как Леха падает у машины, подрубленный пулей снайпера. Эта прокрученная мозгом картинка сползающего на землю друга на несколько дней пригасила даже желание курить чарс, уж больно страшной и бессмысленной выглядела такая смерть. Через несколько дней Лешка придумал курить в кабине хозвзодовкого ЗИЛа, а вскоре к ним присоединился и Джума.

И теперь, увидев Леху в корчах смеха, Витька был раздавлен нахлынувшим видением. Ему снова стало невыносимо страшно. Захотелось немедленно вывалиться из кабины, ползком и перебежками смотаться за крепостную стену и, избегая открытых мест, добраться до кубрика. Спальное помещение их взвода казалось ему сейчас самым надежным местом на свете.

– Дом поросенка должен быть крепостью! – произнес Витька, следуя за внезапным поворотом своих мыслей.

– Чё, Бача? Это ты к чему? – пришел в себя Лешка.

– Не знаю, – честно признался Витька, понимая, что нипочем не сможет размотать для Лехи свою логическую цепочку.

– Давайте похаваем, – предложил Джума.

Несколько минут все трое в молчании жевали сушеные фрукты.

Полоса веселья кончилась, ребята впали в мрачную задумчивость. Пришла пора расходиться, возвращаться в кубрики. В состоянии задумчивости приятнее лежать на койке, неторопливо перебирая возникшие мысли, или «смотреть мультики» – следить за стремительно развивающимися ситуациями, которые услужливо раскидывает перед мысленным взором разошедшийся разум.

Внутри крепостной стены, почувствовав себя в безопасности, Витька пришел в веселое настроение, а в кубрике чуть не умер со смеху, глядя на стриженные головы молодых солдат с глупо торчащими ушами. Чтобы немного успокоиться, он взобрался на койку второго яруса, улегся на спину и уставился в потолок. Уперев немигающий взгляд в близкие доски, он ощущал спокойствие и радость. Все вокруг было до того знакомым, родным и приятным, что его переполнило ощущение безотчетного счастья. Для полноты чувств он закинул руки назад, улегся головой на ладони и очутился на опушке леса. Лежа на мягкой траве, он смотрел в далекое небо. Это было так прекрасно, что Витька потянулся от удовольствия. Неожиданно руки его коснулись прохладного металла, и он машинально ухватился за тонкие металлические трубки спинки кровати. Одна из них крутнулась в его пальцах, издав короткий металлический скрип. Но если кому-то этот звук показался противным визгом, то для Витьки он стал недостающим звеном его лесной опушки. Это крикнула птица! Витька стал неторопливо вертеть железные трубки, и опушка наполнилась щебетом птиц. Прикрыв глаза, он наслаждался безумным концертом. Заливался трелями соловей, гомонили дрозды, пощелкивал клест или щегол, шелестели зяблики, иволги и свиристели. Витька не разбирался в птицах, но для него не имело никакого значения, чьи песни он слышит. Просто хотелось, чтобы это продолжалось бесконечно.

Сквозь сладкую дрему он едва слышал недовольные голоса поблизости, но даже они не отвлекали от лесной идиллии. До них было слишком далеко, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Однако вскоре мрачная реальность вырвала его из объятий среднерусской природы. Вместо легкой паутинки на его лицо с размаху опустилось что-то тяжелое. Птицы брызнули в разные стороны. Витка, сбросив с лица чью-то подушку, подскочил на своей койке.

– Слышь, хорош балдеть! Пошли курнем, – позвал Коля.

– Уйди, собака! Весь кайф обломал, – простонал в ответ Виктор, рухнув головой на подушку.

Он задремал, но вскоре проснулся от громкого смеха. На нижних койках собрались несколько человек, радостно ржали. Колин голос гремел, продолжая историю, начало которой Витька пропустил.

– ...и говорю Якубу, что курить с ним больше не буду! И вы не смейте! Эй, механики, все слышат меня? С Бабаем чтоб не курили больше!

Коля почти целый год был старшим механиком роты. Несмотря на то что он месяц, как сдал дела, и со дня на день собирался на дембель, привычка командовать всеми механиками еще сохранялась.

– Ты, Коля, зачем меня подкалываешь? – обижался Бабаев. – Потому что ты – Коля? Который колет?

– А я и не подкалываю тебя, Якубжон, – со всей серьезностью отвечал Коля. – Просто ты такой маленький и легкий, что я за тебя шугаюсь. Вот пыхнешь пару раз и полетишь, мы и схватить тебя не успеем! А на днях замена придет, и нам с тобой нужно будет домой отправляться. Как же я поеду домой без Бабая! И кто тебя потом ловить будет, если все мы уедем? Так и останешься тут навсегда летать.

Дембельский угол взорвался хохотом. Свесив голову с верхней койки, Витька видел, как Леха навалился на плечи Бабаева, стараясь удержать его, чтобы тот не взлетел.

Ребята тоже хорошо курнули, понял Витька.

– О! Глянь, братва, Викто?р проснулся. Слазь, Витька, сбреши чего-нибудь! – позвал Лешка. – А то надоели мне эти механики-водители. Прямо вертолетчики какие-то, все базары у них про полеты!

– А чё, Витька тебе сейчас тоже про полеты расскажет. Помнишь, как он с Синицким летал! – радостно заорал Коля. – Давай, Викто?р, расскажи про ту войну.

Подражая голосом Леониду Ильичу Брежневу в лучших его телевыступлениях, Витька несколько раз чмокнул губами, почавкал и гнусаво затянул из «Малой

земли»:

– «Дневников на войне я не вел, но каждый из одна тысяча ста сорока восьми... дней... помню отчетливо...» Нет! А ну его к черту! Лучше я вам анекдот! Слушайте!

– Вырастил медведь на лесной поляне делянку конопли...

Продолжить ему не дали. Кубрик разразился диким ржанием, сквозь которое слышались сдавленные всхлипывания:

– Медведь... делянку конопли... Держи Бабая, улетит!!!

Выждав с полминуты, чтобы аудитория успокоилась, он продолжил:

– Каждый день медведь приходит на делянку посмотреть, как она растет. Когда конопля почти созрела, видит он, что кто-то выкосил полоску на его делянке. Устроил засаду, чтобы вора устеречь, сидит в кустах с дубиной. Видит, прискакал на делянку заяц, быстро собрал, забил косяк, пыхнул и собрался уходить в лес. Тут медведь и шарахнул его дубиной по голове. А заяц, помотав башкой, сам себе говорит: «Во, прибило! Нужно срочно косить всю делянку!!!»

В углу повисло молчание. Пауза затянулась на несколько секунд, за которые Витька успел подумать, что анекдот не поняли. Но тут согнулся пополам Коля, вслед за ним ухнул филином Султан, а Леха с Олегом грохнули хохотом. В дальнем конце кубрика заскрипели сетки коек, с которых вскочили перепуганные колпаки в ожидании неприятностей.

– Прибило! Во, прибило! Ха-ха-ха!

– Срочно косить делянку! Ох, не могу! Помру сейчас от смеха.

– Не, мужики, прикиньте – медведь засеял поляну коноплей!

Дембеля раскачивались, охали, сползали на пол с коек. Витька и сам зашелся смехом, до того его зацепило общее веселье. Он чуть не свалился с верхнего яруса, склоняясь головой все ниже. Только Бабай непонимающе вертел головой,

смущенно улыбался, не врубившись в прикол. Заметив это, Коля сквозь слезы простонал:

– Дайте ему по башке, чтобы тоже прибило! Чтобы как того зайца!

Видимо, повтор сдвинул что-то в голове Якуба, и он тоже залился тоненьким смехом, с придыханием и повизгиванием, все повторяя:

– Косить делянка! Срочно косить делянка.

Смеялись долго. Постепенно успокоились, и Витька попытался рассказать еще один тематический анекдот про лилипута, выбиравшего кусочек чарса на ладони у Гулливера. Но на самой кульминации, когда нужно было показать, как Гулливер, уставший ждать, пока зануда подберет себе подходящий кропалик, ссыпает все содержимое ладони в сигарету со словами: «Да ну тебя! Там разберешься...», – кто-то снова выпалил: «Срочно косить всю делянку!» Веселье вспыхнуло с новой силой.

Прошло не меньше получаса, пока ребята немного успокоились.

– А может, гитару, пацаны? – предложил Коля.

– А чё! Давай, Вить, сбациай что-нибудь из нашенского, – поддержал механика Лешка.

Витька, и сам некоторое время чувствовавший потребность потерзать струны, прыгнул с койки, вытащил гитару, стоявшую в изголовье, и принялся подстраивать. Старая, выдавшая виды «доска» строила плохо. Колки проворачивались с трудом, «дубовые» струны были очень тугими и резали подушки пальцев. Но этот отнюдь не идеальный инструмент очень скрашивал их скучную жизнь. Во всей роте человек пять могло немного тренькать на трех аккордах, и Витька с его навыками долгое время считался единственным толковым гитаристом, пока во второй взвод не пришел молодой боец, имевший настоящее музыкальное образование. Тот был профессионалом, мог играть не только на гитаре, но и на баяне, знал множество песен, смешных и грустных, и месяца три каждый вечер развлекал дедов, давая небольшие домашние концерты. Эти месяцы Витька отдыхал, в ожидании, когда зарубцуются подушки пальцев. Потом народу надоели гражданские темы песен нового музыканта, и

они снова вернулись к привычным песням «Каскада», которые Витька давно выучил по магнитофонным записям.

– Чего поем, Коля? – спросил Виктор, намечая первые аккорды и разминая пальцы.

– А давай для разгона «Трассера»! – предложил Султан любимую песню Коли.

Не дожидаясь других предложений, Витька заиграл: «...и небо синее над головой, и нам до звезд легко достать рукой!»

Припев грянули в несколько глоток. Входя в раж, Коля с остервенением орал: «А ты прислушайся, летят и гудят, трассера по тишине ночной...»

Закончив песню, Витька не стал тормозить, а без перехода затянул грустную, медленную «Зорьку». Никто не возражал. Ребята как-то разом притихли, некоторые слабенько подпевали. Якубжон, щуря узенькие глаза, шепотом повторял диковинные русские слова:

...а наутро снова, по незримым тропам,

По земле афганской долго еще топать.

Тут неожиданно мощно врубился Леха. Видимо, слова песни совпали в этот момент с его мыслями, и он излил в этих заезженных за два года строках всю тоску бесконечно долгого ожидания:

И тоскуют струны по студеным росам

По девчонкам юным, золотоволосым.

Не грустите, струны. Струны, перестаньте!

Мы ведь с вами, струны,

Служим в Бадахшане.

В оригинале на магнитофоне пелось: «Служим здесь, в Шинданде», но они с самого начала переделали Шинданд на Бадахшан, так выходило правильное.

Витька понял, что попал в тему. Музыка зацепила всех в их дембельском углу. Бывает так, что музыкант улавливает настроение слушателей и инстинктивно играет именно то, что сейчас необходимо всем. Тогда каждый вдруг ощущает себя частью музыки. Независимо от того, есть ли слух и голос, помнит ли слова, каждый принимает участие в создании Песни, хотя бы просто подтягивая нехитрый мотив примитивным мычанием. Сейчас было именно так. Разбуженный наркотиком разум без всякого усилия выдавал готовые ответы на только формулируемые вопросы. Не нужно было задумываться, анализировать, спрашивать, какую дальше сыграть песню. Руки и пальцы автоматически делали свое дело, голос выводил заученные слова, направляя нестройный хор в нужную тональность, а музыкант мог наблюдать за слушателями, фиксировать выход эмоций, вызванных песней. Когда подошли к последнему куплету, Витька увидел у ребят наворачнувшиеся в уголках глаз слезинки и вложил в заключительные строки всю душу:

Распахнется дембель,
Горизонт огромный,
Мы пройдем с друзьями
По аэродрому.
Нас винты подымут
Над землей афганской,
И домой спецрейсом
Ляжет путь обратный.

Он пел и видел, как меняются лица друзей. Эти надоевшие за полтора года грубые лица солдат стали вдруг лицами двадцатилетних мальчишек. Короткие стрижки делали их особенно молодыми и наивными. Какие, к черту, воины! Вокруг него сидели старшеклассники, совсем зеленые пацаны, еще не знавшие жизни. И вся их суровость была напускной. За грубостью и жестокостью они прячут свои неокрепшие молодые души, которые страдают вдали от родного дома, родных людей, родной земли. Что они знают о настоящей взрослой жизни, в восемнадцать лет вырванные из привычных условий и брошенные в чужую непонятную страну? Как они будут жить, вернувшись домой, столкнувшись с реалиями гражданской жизни? Сейчас все они думают об одном: о том, что скоро уедут отсюда, навсегда покинут безумно надоевший Афган. Забудут обо

всем, чему их здесь научили. Но пройдет несколько дней, в крайнем случае – пара недель, они вернутся в Союз и столкнутся лицом к лицу с непонятной, новой жизнью. Примет ли она их? А его? Нет, подумал Витька, не их и меня, а нас! Мы все стали одинаковыми здесь, независимо от места жительства, воспитания, привычек и образования. У нас теперь одинаковые знания и одинаковые незнания. Мы умеем в темноте безошибочно ставить ногу на камень, поднимаясь по склону. Мы можем пройти десятки километров по горам, нагрузив на себя по тридцать килограммов оружия и боеприпасов. Мы знаем, как наложить жгут, чтобы остановить кровотечение, как забинтовать рану и вколоть обезболивающее средство. Мы знаем, как убить человека! Но мы не знаем, как живут люди вне армии, о чем они думают, говорят, поют, наконец! Прошлая жизнь для нас – нереальный сон. Будет ли когда-нибудь так, что эта, теперешняя жизнь станет казаться нам сном?

Витька взял последний аккорд, медленно перебрал пальцами струны и закончил песню. Все молчали, не желая прерывать состояния легкой грусти. И он решил продолжить тему и начал наигрывать каскадовскую «Кукушку», ожидая, что кто-нибудь начнет выводить слова: «Часто вспоминаю дом родной...», но Леха неожиданно положил руку на струны и попросил:

– Вить, давай про сигарету, а?

Это был их давний прикол. Когда Леха впервые обратился с такой просьбой, Витька минут пятнадцать перебирал с ним песни и не мог найти ни одной, где были бы слова о сигарете. Леха толком не мог вспомнить, о чем песня, не мог воспроизвести мотив, дать хоть полстрочки стиха. Только щелкал пальцами и повторял:

– Ну, там про это... Там про сигарету есть место.

Наконец, после долгих стараний и ухищрений, Витька вытянул из него, что речь в песне идет о друге, не вернувшемся из боя. Меньше всего эта известная песня Высоцкого была о сигаретах, но Леха почему-то запомнил именно эти слова, и когда Витька дошел до них, Леха, смущенно мотнув головой, начал подпевать. Вот и теперь, исполняя по просьбе друга песню «Про сигарету», Витька ждал, когда Леха подключится. Не сильный в пении Леха терпеливо ожидал, заглядывая в Витькины глаза, и, когда тот кивнул и замолчал, дойдя до нужного Лехе куплета, тот запел сам:

Нынче вырвалась, словно из плена, весна,

По ошибке окликнул его я:

– Друг, оставь покурить, – а в ответ тишина:

Он вчера не вернулся из боя.

Остальные слушали молча. Сев на любимого конька, Витька исполнил и другие песни Высоцкого по близкой им тематике. Были там и «В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала...», «Блистал закат, как свет клинка...», и его коронная, про падающие с небосклона звезды.

Нам говорили, нужна высота

И не жалеть патроны,

Вон покатилась вторая звезда

К вам на погоны

Я уж решил, миновала беда,

И удалось отвертеться,

Но с неба скатилась шальная звезда

Прямо под сердце.

Последний аккорд замер в тихом кубрике. Витька медленно отложил гитару, дальше петь было невозможно. Все сидели понурившись, не поднимая глаз друг на друга. Положение исправил Коля. Он тряхнул своей крупной головой с жестким ежиком темных волос, по-деловому поднялся и приказал:

– Хорош сопли распускать! Встать! За мной, шагом марш!

Дружно поднялись с коек, потопали к выходу мимо притихших колпаков. На улице быстро забили пару сигарет, пустили по кругу. Вернулись в кубрик уже в веселом настроении и снова расселись в своем углу.

– Султан, давай, что ли, врубай свою машинку, – предложил Олег.

– А чё, запускай ту кассету, где не «Каскад», а сборная солянка. Якуб нам споет про одно крыло.

Якуб смущенно втянул голову в плечи. Он любил петь русские песни, но, плохо разбирая в них слова, придумывал свой вариант, составляя из похожих слов такую немыслимую галиматью, что слушавшие умирали со смеху. «Бэз меня тебя любили мой лети одним крылом...» – коверкал он Пугачеву своим таджикским акцентом.

Султан повозился в тумбочке, доставая магнитофон, щелкнул клавишами перемотки и запустил кассету с самого начала, где «Веселые ребята» пели песню про тетю: «Ой, напрасно, тетя, вы все слезы льете и все смотрите в окно...» Заводная музыка подняла настроение; постепенно все, сидя на койках, стали притопывать ногами и покачиваться из стороны в сторону в такт музыке. Витька держал себя в руках, привалившись к спинке кровати и вполоборота глядя на друзей. Он уже знал, что сейчас произойдет: дурман пробьет блокировку разума и накопленные эмоции хлынут наружу. Долго ждать не пришлось. «Ребята» запели новую песню, и Коля неожиданно выскочил в проход и принялся приплясывать, подпевая:

Мы по всей земле кочуем, на погоду не глядим,

Где придется, заночуем, что придется, поедем...

Следующим не выдержал Султан. Прихватив гитару, он вышел вслед за Колей, встал рядом, и теперь уже вдвоем они топали по полу своими сапогами. Султан делал вид, что играет на гитаре. Леха, подхватив автомат вернувшегося с поста часового, быстро удлинил ремень и повесил на плечо так, как музыкант вешает электрогитару. Пальцами левой руки он брал на стволе автомата воображаемые аккорды, а правой барабанил в районе ствольной коробки. Судя по низкому положению «инструмента», Леха играл на басу. Рядом с ними возник Бабаев, вертя в руках воображаемые барабанные палочки. Теперь эта четверка напоминала «Веселых ребят», которых они пару раз видели по телевизору. Они громко выкрикивали слова любимой песни, с остервенением били по несуществующим и ненужным струнам и топали ногами:

Мы – бродячие артисты, мы в дороге день за днем,

И фургончик в поле чистом – это наш привычный дом...

Слова выдавливали слезу. Глядя на наклоненные головы и упертые внутрь себя взгляды друзей, Витька понял, что все пацаны чувствуют примерно то же, что и он сам. Действительно, слова песни относились и к ним. Они и есть эти бродячие артисты, уходящие день за днем по горным дорогам! А их бээмпэшка – чем не цирковой фургончик? Это они ночуют где придется. Едят, коль не лень было тащить на себе лишний груз консервных банок. А уж на погоду смотреть им точно не приходится...

Витьке стало очень грустно. Он всем нутром почувствовал, что окружен настоящими друзьями, каких, наверное, уже не будет в его жизни; что, когда пройдет первый кайф возвращения домой, он будет скучать по этим ребятам, с которыми пришлось разделить столько дряни и радости. Желанный дембель – дембель, о котором они так долго мечтали, которого из последних сил ждали, предстал вдруг в ином ракурсе. Это будет еще и расставание с друзьями.

Пройдет несколько дней, и им придется прощаться. Кто-то уедет с первой партией, оставляя других ждать следующей отправки, и будет прощаться с друзьями возле вертолета. Кто-то – например Коля, или Султан, или Олег, взойдет на борт, обернется в дверном проеме, махнет рукой на прощанье и скроется навсегда. Даже если они поедут домой все вместе, все равно когда-нибудь в пути – на вокзале или аэродроме настанет момент, когда придется расстаться! Обняться на прощанье, повернуться и пойти прочь. Можно будет обернуться, махнуть рукой. И осознать, что со многими уже не доведется увидеться в этой жизни... «Веселые ребята» между тем продолжали:

Мы приедем и уедем – летом, осенью, зимой,

И опять приснится детям наш фургончик расписной...

Витька окончательно расстроился. Ребята топали и орали в исступлении, а он сидел на койке, склоняя голову все ниже.

Кончатся наши «гастроли», думал он. Вряд ли кому-то, тем более местным детям, будут сниться наши зеленые «фургончики». А вот нам, скорее всего, будет сниться эта дикая непонятная земля: высоченные горы, зеленые долины, быстрые чистые реки, цветущие сады Бахарака, летняя жара, пыль дорог, осенние ветра и пыльные бури, зимняя стужа. Много здесь красоты и экзотики. Будет о чем рассказать дома. Возможно, мы даже будем вспоминать все это с умилением.

Но сейчас хочется только одного – вырваться отсюда и никогда больше не видеть этих красот. Не нужны ни деньги, ни джинсы, ни сувениры! К черту дембельские альбомы и самодельные заколки для галстука в виде слепленных букв «DRA», ушитые и наглаженные «парадки», фуражки с укороченным козырьком, шариковые ручки с часами и японские часы с семью мелодиями, отчищенный от зеленой краски блестящий пустой патрон... К черту все эти идиотские цацки, так старательно заготовленные к дембелю. Ничего по большому счету не нужно! Руки-ноги целы, голова не сильно пострадала, на том и спасибо. Да я в заношенной хэбэшке и стоптанных сапогах домой доберусь. И уж обратно не запрошусь! Только бы провезти через границу фотографии, да увидеть когда-нибудь этих ребят, что сейчас, дурачась и заглушая этой дуростью тоску по дому, топают ногами, приплясывая под песню «Веселых ребят»!

Виктор откинулся на подушку чужой койки, закрыл глаза и полетел в сон, будто прыгнул с уступа скалы в неизвестную черную пустоту горного склона.

«Домой! – думал он, засыпая. – Домой!!! На запад! Домой...»

Возвращение на Арвиндж

Ребятам, воевавшим в Афганистане, и их родным и близким, ждавшим их дома

Я просыпаюсь и сразу нашариваю часы на столике возле кровати.

5 часов 58 минут 30 сентября 1994 года.

Две минуты до будильника. Работает старая и давно, казалось, забытая армейская привычка просыпаться за две-три минуты до подъема.

Успеваю потянуться и расслабить мышцы, потом в номере звонит телефон. Отвечаю, мол, спасибо, уже проснулся.

Быстро умываясь, обдумываю форму одежды. Интересно, предусмотрен ли протоколом галстук? На всякий случай повязываю. Подумав, вешаю на руку плащ. Вчера пани Лишкова предупредила, что в горах может быть прохладно.

Спускаюсь в кафе и жду Галину. Она приходит минут через пять.

Здесь, в чешском городе Брно, мы с ней представляем нашу фирму на международной выставке FIBEX – «Финансы. Страхование. Банки». Мы здесь уже неделю, а я все еще пребываю в волнительном настроении – по утрам вскакиваю за пять минут до будильника, впрочем, иногда и за час. В одиночестве гуляю до завтрака, люблюсь пустынным просыпающимся городом, дышу свежим воздухом. И хотя ем очень мало и довольно много пью, совершенно не пьянею. Ложусь поздно, встаю рано, а силы только пребывают. Еще бы, первый раз за границей...

Первый?

Хорошо. Первый раз в Европе.

Здорово у них тут, все так чисто, опрятно, культурно. Словом, удобно. Командировка наша очень интересная и совсем необременительная в плане работы, скорее это отдых, что-то вроде премии от фирмы. На выставке мы не сидим на стенде, у нас и стенда-то нет. Мы – посетители. Ходим, знакомимся с компаниями, представляемся, подбираем партнеров для бизнеса.

А сегодня у нас экскурсионный день. Пани Лишкова, представитель принимающей туристической фирмы, везет нас в пещеры.

В кафе мы с Галиной пьем по крохотной чашечке кофе. Я намазываю масло на кусочек хлеба. Есть не хочется, но сейчас нужно. Обедать будем еще неизвестно когда, а без выпивки я вряд ли обойдусь до полудня.

Выходим на улицу. Пани Лишкова, стоя возле машины, машет рукой, приглашая нас. Садимся на заднее сиденье. Машина трогается и неспешно движется вперед.

Мы живем в самом центре города. Здесь неширокие, мощенные брусчаткой улочки, красивые старинные дома вдоль них. Раннее утро, совершенно пустой город.

Шофер, хмурый парень, негромко обращается к Лишковой. Она сидит на переднем сиденье, вполоборота к нам, все время улыбается, иногда отвечает что-то водителю. Лишкова рассказывает нам про пещеры, которые мы должны посмотреть сегодня. Слушаю невнимательно, хотя постоянно киваю и поддакиваю в нужных местах. По-русски она говорит здорово, чисто, да и рассказывает, в общем, интересно, но меня сейчас это не цепляет. Хочу все видеть своими глазами, а не слушать рассказы о красотах здешних гор.

Машина наконец выбирается из города, водитель постепенно увеличивает скорость. Красиво. Ровная, широкая дорога, по бокам холмистая равнина, впереди видны горы, закутанные туманной дымкой.

Смотрю на часы. Совсем рано, всего половина седьмого, а ехать нам меньше часа. Разглядываю потихоньку надвигающиеся на нас горы, жду встречи с ними. Постепенно мысли переключаются, и перед глазами начинают выплывать совсем другие горы, не покрытые зелеными лесами, а голые, всех оттенков коричневого и бурого, без деревьев, зато сплошь в скалах и каменных осыпях...

– Смотри, – Галина, трогает меня за руку, – красота какая!

Да, красота. Машина ныряет в лес, который взбирается на склоны гор по краям дороги. Становится сумрачно. Деревья большие, дорога узкая, мы снижаем скорость.

Не проходит и десяти минут, как дорога вдруг расширяется, превращается в площадку. Впереди виден шлагбаум, машина останавливается. Открываю дверь, первым выбираюсь из машины и попадаю в пасмурные сумерки. Меня окружают деревья, окутанные клочьями тумана. Смотрю вверх. Там сплошная пелена низких облаков, а ведь в городе светило солнце. В воздухе висит водяная пыль. Просто мы поднялись в горы и теперь находимся прямо в облаке.

Водитель остается в машине, возится на сиденье, видимо, устраивается вздремнуть. Значит, приехали. Кроме нашей машины на стоянке никого нет. Рано.

Втроем идем по дороге, хрустит под ногами влажный песок. Деревья вокруг не по-осеннему зеленые. Узнаю только клены и дубы, остальные мне неизвестны. Платанов точно нет, наверное, это буки и грабы. Или какие еще широколиственные породы бывают? Пытаюсь припомнить школьную географию, климатические пояса, растительность в них. Какие это горы, Татры? Вспомнить не могу, а спрашивать неловко. Помнится, пани Лишкова говорила, что мы едем смотреть моравский карст. Значит, мы в Моравии. Моравия – это часть Чехии, а в Чехословакии есть горы Татры, это помню с детства. Читал книжку, где рассказывалось о семье, работающей на маленькой турбазе в Татрах. Основная мысль, оставшаяся в памяти от книжки, – с горами не шутят. А может, Татры теперь оказались в Словакии?

Замечаю впереди какое-то движение – шагах в десяти дорогу перебегают белка. Галина удивленно вскрикивает, показывает на нее рукой, достает фотоаппарат. Белка бежит медленно, и счастливая Галина успевает сделать снимки. Мигает вспышка, пани Лишкова улыбается, она довольна, что нам здесь нравится. Стою и безучастно смотрю на белку. На моем запястье тоже болтается фотоаппарат, но я не хочу фотографировать. Я хочу увидеть пещеры. Никогда в жизни не бывал в пещерах, только читал о приключениях Тома Сойера и Бекки Тетчер, заблудившихся в пещере. Объясняю нашей пани свое безразличие к белке, она понимает, снова улыбается, делает приглашающий жест, и мы движемся вперед.

За поворотом стоит на дороге игрушечный поезд. Это автомобиль, закамуфлированный под паровоз и пара прицепов в виде вагончиков. Водитель выставил локоть и выглядывает из окна, как настоящий машинист. Садимся в вагончик, поезд трогается и медленно едет по дороге. Двигатель работает еле слышно, но вскоре и этот звук теряется за нарастающим шелестом. Понимаю, что это звук водопада, и вскоре, подтверждая мою догадку, в проеме между деревьями проглядывает водопад. Водяная пыль в воздухе становится гуще. Еще один поворот, мы выезжаем на открытое место и, наконец, видим гору. Довольно крутой склон, мрачные темные скалы, кое-где на склоне прилепились деревья. Гора не высока, метров триста, не больше. Левее видна еще одна, с несущимся вниз мощным потоком, который уходит в лощину между горами.

Прямо перед нами вход в пещеру – темный провал под неприятно нависшим козырьком скалы; перед ним блестящие металлические поручни и вращающиеся турникеты, как на проходной «почтового ящика» советских времен.

Картинка перед моими глазами идеальная, хоть сразу ее в рамку и на стену. Скалистые уступы гор, водопад, карабкающиеся на склон деревья, тусклый свет пасмурного дня. Приходят в голову кадры каких-то фильмов из детства, про войну и про югославских партизан. Сейчас из-за поворота должен появиться фашистский патруль на двух мотоциклах BMW, солдаты в резиновых плащах и немецких касках, в колясках пулеметы МГ с дырчатыми ствольными кожухами. Мешают только турникеты. Они из какой-то другой жизни, и я стараюсь их не замечать. Усилием воли удастся убрать их «из кадра».

Поднимаю глаза и смотрю вверх. Теперь я вижу перед собой только склон горы. И тут меня накрывает...

* * *

Андрей поднял глаза от земли и посмотрел вверх. Перед ним в темноте просматривался склон горы. В лунном свете, на фоне чуть бледнеющего неба, ясно вырисовывался край уступа. Метров двести – триста, впрочем, в темноте трудно было оценить расстояние.

А в самом деле, сколько же еще ползти вверх по такой крутизне? Сколько часов мы уже идем? Мысли, тягучие и нудные, как склон горы, устало и замедленно ползли в его голове. Как всегда, в ночной темноте терялось ощущение расстояния и времени.

Прежде чем двинуться, Андрей оглянулся по сторонам и прислушался. Справа и слева тишину нарушали шорохи, слышалось прерывистое дыхание, скрип каменной крошки. Посмотрев назад, он увидел бойцов своей тройки, замерших в ожидании, когда он подаст знак двигаться дальше.

«Вот так, – подумал он с удовлетворением, – и нечего вперед лезть! Успеете еще полазить».

– Пошли, – едва слышно прошипел он, и тут же сзади заскрипели камни.

В нескольких метрах справа раздался придушенный вскрик, что-то зашуршало, и темная тень съехала по склону на несколько метров. Человек на секунду замер, потом, коротко и зло матернувшись, снова пополз вверх. Андрей снова глянул по

сторонам. Склон, широкий и ровный, уходил вправо и влево, теряясь в темноте. Угол наклона превышал, похоже, сорок пять градусов, и люди, с трудом держась на ногах, то и дело соскальзывали, потеряв равновесие, падали на живот и сползали на три-четыре метра вниз. Казалось, кто-то просто поставил на пути гигантский лист шероховатой фанеры, и нужно было ползти по ней чуть ли не на брюхе, постоянно цепляясь руками за малейшие неровности, чтобы не сорваться и снова не очутиться у подножья. Колонна роты давно развалилась, и каждая тройка штурмовала подъем, выбирая собственный маршрут.

Андрей аккуратно двинулся вверх, и тройка, сосредоточенно пытаясь не отставать, последовала за ним. Неизвестно еще, кто из нас больше боится, думал он. Я боюсь сорваться и съехать мимо них на пузе, еще, не дай бог, сшибешь кого-нибудь и за собой утащишь. А они, конечно, боятся отстать и потом просить помощи. Хорошее у нас войско!

Сердце давно уже колотилось где-то в горле, руки и ноги тряслись, как у пьяного, и Андрей понимал, что надолго его не хватит. Но должен же когда-нибудь кончиться этот подъем! Несмотря на ночную прохладу, пот катил с него, как в бане. Но вот, подняв в очередной раз лицо, он почувствовал на нем слабое дыхание ветерка. Еще несколько минут, и склон стал более пологим, а потом и вовсе превратился в горизонтальную плоскость.

Андрей выпрямился, посмотрел перед собой и увидел поле. Вот тебе раз... Лезли вверх, а попали в поле, подумал он. В лунном свете четко виднелась низкорослая чахлая пшеница. Впереди, за полем, смутно темнели силуэты гор. Теперь стало ясно, что означала та полоса, горизонтально пересекавшая склон горы. Полоса, которую они каждый день видели из Крепости. Перед ним, уходя в обе стороны, раскинулась огромная, почти плоская, горная терраса.

Три дня назад они с Тохой сидели на броне андреевой бээмпэшки и приглядывали за молодыми солдатами, медленно возводящими дувал на внешнем периметре Крепости. Двое размешивали глинистую землю с водой, еще двое подтаскивали камни, а один, самый талантливый, укладывал камни в забор-дувал, пользуясь глиняной жижой вместо раствора. Руководил работами Мурадов, отслуживший год и имевший полное право гонять молодых. Андрей и Тоха отслужили уже по полтора и в работах принимали участие постольку-поскольку, как руководители проекта, осуществляя общий технический надзор.

Полгода назад, когда в батальоне началось грандиозное строительство внешнего периметра – полутораметровой высоты дувала, защищавшего парк боевой техники со стороны вертолетной площадки, Андрей и Тоха сами были в гуще событий, орали на молодых, показывали, как закреплять камни, а иногда сами принимались укладывать глиняный раствор, выравнивать поверхность стенки, пристраивать длинные плоские плитки над намеченным проемом очередной бойницы. Тогда таскали камни и мешали раствор Мурад со товарищи, молодые, недавно приехавшие в батальон с очередной заменой бойцы. Но прошло полгода, система сдвинулась на ступень, и Андрей со своим призывом превратился вчера в деда, разменял последние полгода службы.

Теперь, после ночного бражничества по случаю выхода приказа Министра обороны «Об увольнении в запас и призыве на военную службу», головы были тяжеловаты. Но Мурад, также переместившийся по службе на ступеньку вверх, рьяно исполнял новые для него обязанности погонщика. Так что новоиспеченные «дедушки» могли спокойно курить. Развалившись на броне бээмпэшки, развернутой носом к возводимому дувалу, деды лениво перебрасывались замечаниями о навыках и способностях каменщиков.

– Убери этот камень, чмо! Сюда ложи вон тот. А под этот больше глины кидай, – прикрикнул на молодого Тоха.

Боец, затравленно оглядываясь, неуверенно снял камень, и, пытаясь сообразить, какой должен занять его место, вопросительно поглядывал на Мурада, сержантов и на горку камней.

– Да вон тот, чмо тупое. – Тоха носком ботинка махнул в сторону лежащего отдельно от других небольшого камня. – Видишь, выступ подходящий, как раз по месту ляжет.

– Да, брось ты, Тох. Сами разберутся, не хуже нас, – лениво сказал Андрей.

– Куда им! Ты глянь, тупорылые, камня приладить не могут. За всем должен командир приглядывать, – отозвался Тоха. – Эй ты, зараз ты у меня схлопочешь! Я что сказал делать?

– Да кури ты спокойно, – посоветовал Андрей. – Чё ты их пугаешь зря? Сам давно ли таким был?

– Я, Андрюх, никогда таким не был. Потому и до сержанта дослужился.

– А вдруг они не хотят до сержантов дослуживаться? – подначил Андрей.

– Как это не хотят? Как можно не хотеть стать сержантом? – недоверчиво спросил Антон.

– Ну, не все же хохлы. Не все командовать хотят! – радуясь, что удалось поймать приятеля, закатился смехом Андрей.

– Ох, Москва, зараз прибью тэбя, – оскалился Тоха, – усе ты мени цеplaешь.

– Скажи еще: «А ведь я твой командир», – сдерживая смех, сказал Андрей.

– Та пишов ты, – махнул рукой Антон.

Тоха, Антон Гордеев, сержант первого взвода, попал в батальон немногим больше года назад, в августе 1983 года. Пришел рядовым, после карантина в Чаджоу, и за год службы поднялся до сержанта, командира отделения. Сейчас, когда заменялись дембеля-осенники, было понятно, что его назначат заместителем командира взвода вместо уходящего сержанта Крюкова.

Невысокий, худощавый парнишка, еще недавно смотревшийся так забавно в новенькой панаме с задранными на манер ковбойской шляпы полями, Тоха к осени исходил с ротой все окрестные горы, побывал в стычках с духами, пообтерся, посуровел, обтрепал полученную весной новенькую хэбэшную форму и отпустил небольшие светлые усики. Теперь, в своей распахнутой до пуза гимнастерке и ремне, пряжка которого, по обычаю дедов, болталась гораздо ниже ватерлинии, он являл собой стандартный вид сержанта-хохла. С той лишь оговоркой, что украинцем он был только наполовину, хоть и родился в Сумской области. Говорил Тоха большей частью по-русски, с небольшим характерным южнорусским выговором. Настоящий украинский язык он использовал только в разговоре со своим земляком-полтавчанином Василем Дудой или с плохо понимавшими по-русски западниками. А еще он прикалывал так своего приятеля Андрея. Хотя частенько Андрею казалось, что на самом деле ридной мовой Тоха больше подкалывает своих земляков.

Андрей Полевский, тоже сержант, был «специалистом», как называли бойцов, окончивших сержантские учебки. Его специальность называлась «наводчик-оператор БМП», он управлял вооружением боевой машины пехоты – 70-миллиметровой гладкоствольной пушкой и пулеметом ПКТ. Годами Андрей был постарше Тохи и до того, как уйти в армию, успел проучиться в своей родной Москве в институте, собираясь стать инженером-строителем. На полголовы выше Антона, шире в плечах и вообще крепче, он был сильнее и опытнее приятеля. Но Тоха попал в Афганистан на три месяца раньше Андрея и больше понимал в укладе здешней жизни, в чем-то похожей на жизнь сельскую, непонятную и диковинную для Андрея. С первых дней Андреевой службы в роте Тоха, как бы в шутку, взял над ним шефство и несколько раз уберегал приятеля от серьезных неприятностей, уговаривая не горячиться и не лезть на рожон в поисках правды и справедливости. Оттого ли, что Тоха до армии тоже учился на строителя в техникуме, или от более глубокого родства душ, но подружились они быстро. Теперь, год спустя, Андрей считал Тоху своим лучшим другом.

Ротный возник на стройке неожиданно.

– Гордеев, Полевский, почему лежите? Встать! Сержант Гордеев, доложите обстановку!

По интонациям ротного было понятно, что бури не предвидится. Ротный кое-что понимал в солдатской иерархии, в том, что значит для каждого солдата очередной приказ Минобороны. Да и сам он, пробыв в Афгане полтора года, был теперь таким же, как они, дедом.

Антон и Андрей быстро спрыгнули с брони, собираясь с мыслями для доклада, но капитан, будто забыв о них, подошел к забору, пошатал только что прилаженный камень, хлопнул по нему ладонью и уставился на горы, поднимавшиеся в нескольких километрах к югу.

Так и не решив про доклад, они подошли и встали рядом. Ротный долго смотрел вдаль, потом, повернувшись к ребятам, хитро прищурился и спросил:

– Нравится горка?

– Которая, товарищ капитан? – уточнил бойкий Тоха.

– Вон та, за Сарипульским мостом. – Капитан кивнул на горную цепь прямо напротив них.

– А что, туда полезем? – поинтересовался Андрей, почувствовав нехороший холодок внутри.

Гора отсюда не выглядела страшной. Длинная однородная стена, как декорация в театре, отгораживала южную часть горизонта. Верхнюю треть ее отделяла четкая горизонтальная полоса. Больше всего это напоминало карьер с дорогой для самосвалов, но Андрею было понятно, что с такого расстояния, с шести – семи километров, самосвалу, чтобы разглядеть его, нужно быть метров сто высотой.

Андрей служил в батальоне уже год и почти каждый день смотрел на эту стену. Из рассказов солдат старшего призыва он знал, что где-то в той стороне находится большой кишлак Джарм, уездный центр. До Джарма наши вроде никогда не добирались, но вот неподалеку был печально известный кишлак Фургамундж, где, по словам тех же бойцов, легла года полтора назад половина Файзабадской разведроты. Словом, если и были вокруг бахаракской Крепости хорошие места, то уж точно не в районе Джарма.

– Посмотрим, – задумчиво проговорил капитан, – запомни пока название: Арвиндж.

Это «посмотрим» очень не понравилась сержантам. Тон у ротного был какой-то слишком неофициальный. Облокотившись на дувал, он молча вглядывался в гору.

Прошло несколько минут. Молодые бойцы перестали работать, но никто не обращал на них внимания. Наконец ротный повернулся и, не сказав ни слова, пошел из парка. Тоха посмотрел на Андрея вопросительно, потом подошел к дувалу и встал, опершись на него локтями, как только что делал это капитан. Правда, больше полминуты Тоха не выстоял, повернулся и побрел к машине. Проходя мимо Андрея, он неожиданно с силой хлопнул того по плечу и громко засмеялся.

– Та ладно тебе журыться. Першый раз, чи шо? Пишли покурим. – Тохе всегда было весело.

– Тебе все ржать, Гордеев. Вспомни лучше, что сарбос тогда говорил, – хмуро ответил Андрей.

– Який сарбос? Афгон бача?[2 - Сарбос, афгон бача – солдат, афганский парень (тадж.).] Та пшел вин... – Тоха махнул рукой, полез на машину и разлегся возле командирского люка.

Месяц назад в батальон приходила группа афганских сарбосов – солдат народной армии. Сидя здесь же, в парке с несколькими афганскими бойцами, и смоля их чарс, Тоха, Андрей и еще несколько солдат пытались вести с союзниками светский разговор. Один из афганцев, чем-то похожий на балагура Тоху, молодой совсем парнишка по имени Йоська, лучше других говорил по-русски и охотно делился с шурави[3 - Шурави – советский (от тадж. «шура» – совет).] сарбосами своими знаниями местной обстановки.

– Джарм где? – спросил тогда Андрей.

– Джорм туда, – отвечал Йоська, – далеко идти, бурбахайка надо ехать.

– А там кишлок ас? – спросил Андрей, кивнув на горную гряду с горизонтальной чертой.

– Бисёр ас[4 - Бисёр ас – много есть (тадж.).] – ответил афганец, – много кишлок, большой есть, маленький есть.

– Басмач ас? – продолжал пытаться его Андрей.

– Бисёр-бисёр, очень много басмоч ас, – беззаботно отвечал солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Go west! – На запад! (англ.).

2

Сарбос, афгон бача – солдат, афганский парень (тадж.).

3

Шурави – советский (от тадж. «шура» – совет).

4

Бисёр ас – много есть (тадж.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/gergel_aleksandr/vozvraschenie-na-arvindzh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)